

изд. / под ред. Б. М. Житкова и Н. С. Дороватовского. М., 1992.

Брокгауз, Ефрон 1896 — Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1896. Т. 18.

Википедия — Материал из Википедии — свободной энциклопедии. //http://ru.wikipedia.org

Власихина 1974 — Власихина Н. Н. Отчет по командировке в Каргопольский район. 1974 г. Науч. архив ФГУК АМДЗ и НИ «Малые Корелы». Ф. 1, оп. 1, дело 1461, л. 1.

Даль 1978 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1978. Т. 2.

Кривошеев 1988 — Кривошеев Ю. В. Религия восточных славян накануне крещения Руси. Л., 1988.

Максимов 1985 — Максимов С. В. Куль хлеба и его похождения. М., 1985.

Успенский 1982 — Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.

Шевченко 2005 — Шевченко Л. Очерки по экологии животных. 2005 // http://www.museumkiev.org/esseis/krotslepish_ru.html

Шустиков 1886 — Шустиков А. А. Предания, обычаи, заговоры, суеверия и ворожба среди населения Кадниковского уезда. Этнографический материал // Вологодские губернские ведомости. 1886. № 26.

«Умом и разумом» (свадебный обряд с. Треть Коношского р-на). Этнографический научно-популярный фильм. 1991. Научный архив ФГУК АМДЗ и НИ «Малые Корелы». Диск. Архивный № 375.

Сокращения

ПМА — Полевые материалы автора. Шифр в скобках состоит из номера полевой тетради, альбома и номера страниц. Для фонограмм (Ф) даны указания на год записи, номер кассеты, номера текста в ней и номера диски.

ФГУК АМДЗ и НИ «Малые Корелы» — Федеральное государственное учреждение Архангельский музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы».

Summary. *The paper explores «the earth bear», «the earth grandpa», a mysterious underground animal, worshipped by the locals, whose image reflects the pagan roots of totemism, the worship of ancestors in the form of animals, namely, the ancient cult of the bear. Upon considering its appearance, the paper speculates that «the earth bear» might be an actual animal, mole rat of the rodent family (Spalax typhlus).*

Key words: «earth bear», totemism, bear cult, ancestor worship, apotrope, Konosh region.

Е. В. ХАЗДАН
(Санкт-Петербург)

КОЗА В КОЛЫБЕЛЬНОЙ АШКЕНАЗОВ

*Восток и Запад в искусствоведении
давно уже не географические понятия.*

И. И. Земцовский

Цигель, цигель, ай-лю-лю!

Фраза из к/ф Л. Гайдая

«Бриллиантовая рука»

Аннотация. *В культуре восточноевропейских евреев сохраняются особенности, позволяющие говорить о ее восточном происхождении. Образ козы, стоящей возле колыбели, отличается от того, как видится это животное народам, жившим в непосредственном контакте с евреями. Отношение к козе у славян неоднозначно: она считается нечистым животным, имеющим демоническую природу, выступает как ипостась нечистой силы. Напротив, в ашкеназских колыбельных ее присутствие воспринимается как благо. В конце XIX — начале XX в. она приобретает значение национального символа.*

Ключевые слова: *еврейский фольклор, ашкеназский фольклор, идишская песня, колыбельная, коза.*

В культуре ашкеназов — евреев, живущих на территории Восточной Европы в течение многих столетий, — сохраняются особенности, позволяющие говорить о ее восточном происхождении. В качестве таких элементов-маркеров могут выступать фольклорные образы и их трактовка, отличная от той, которая принята у народов, живших в непосредственном контакте с евреями, а также мелодика, ритмические и ладовые структуры в песнях и инструментальной музыке. Нам представляется наиболее удобным рассмотреть эту проблему на примере колыбельной песни — жанре, распространенном у всех народов и не связанном непосредственно с богослужбной практикой или какой-либо сельскохозяйственной или профессиональной деятельностью.

Одна из колыбельных, которую авторы энциклопедии Брокгауза и Ефрона (издание 1908—1913 гг.) определяют

как старинную [Розанес 1991, 146], является практически во всех сборниках еврейских песен. В издании С. М. Гинзбурга и П. С. Марек приведены четыре варианта ее текста¹.

Unter dem kinds vigele
Shteyt a klor-vays tsigele.
Dos tsigele z'geforn handlen
Rozhinkes mit mandlen.
Rozhinkes mit mandlen iz zeyer zis.
Mayn kind vet zayn gezunt un frish².

Под детской колыбелькой
Стоит белоснежная козочка.
Козочка ездилa торговать
Изюмом с миндалем.
Изюм с миндалем очень сладки.
Мое дитя будет здоровым и свежим.

Согласно исследованиям А. Красны существует 65 вариантов этой колыбельной песни на идише³. В некоторых источниках дан второй куплет песни:

Dos iz di beste skhoyre —
Dos kind vet lernen Toyre.
Toyre vet er lernen,
Sforim vet er shraybn
A guter un a frumer yid
Vet mayn kind blaybn⁴.

Это лучший товар —
Ребенок будет учить Тору.
Тору будет он учить,
Книги будет он писать,
Хорошим и набожным евреем
Станет мое дитя.

Речь идет отнюдь не о карьере писателя. Мать мечтает, чтобы ее сын стал *сойфером* — писцом, изготавливающим свитки Торы, а также *мезузы* и *тфилин* — ритуальные принадлежности, в которые вкладываются кусочки пергамента с цитатами из Священного Писания.

¹ См.: [Гинзбург, Марек 1901, 59, 63, № 60, 61, 66, 67]. Там же см. библиографическую ссылку на с. 99.

² Цит. по: [Гольдин 1994, 33, № 13]. Здесь и далее транслитерация текстов на идише приведена в соответствии с международными нормами, принятыми Еврейским научно-исследовательским институтом YIVO (Нью-Йорк).

³ См.: [Krasny 2008]. Автор не уточняет, насколько разнятся тексты и мелодии вариантов.

⁴ Цит. по: [Розанес 1991, 146].

Козочки, стоящие у колыбели, козочки, торгующие изюмом и миндалем, — образ, часто встречающийся и в литературе, и в работах еврейских художников. Как правило, он передает нахлынувшие воспоминания о далеком, безвозвратно ушедшем детстве.

В романе Эфраима Севелы в вагоне, увозящем военнопленных в далекую Сибирь, засыпает не сделавший ни выстрела солдат. «И тогда в ритме стука колес он слышит мелодию колыбельной песни, которую ему давным-давно пела мама. Ее голос выводит на идиш сладкую до слез песенку о белой козочке, которая стоит под колыбелькой у мальчика. Эта козочка пойдет на ярмарку и оттуда принесет гостинец: миндаль и изюм.

Янкель видит лицо мамы и даже ее руку, качающую колыбель. Словно от ее руки качается, как колыбель, весь вагон. Спят вповалку польские солдаты. И над ними над всеми, как мольба к Богу уберечь их, не дать их в обиду, плывет умиротворяющий голос еврейской мамы, обещающей каждому мальчику в подарок миндаль и изюм, которые белая-белая козочка принесет с ярмарки» [Севела 1996, 305].

В фольклоре других народов Восточной Европы образ козы совершенно иной. Л. З. Колмачевский (1850—1889) рассматривает теории XIX в., приписывавшие животному эпосу, сказкам о животных то арабское, то еврейское, то индийское (т. е. условно-восточное) происхождение [Колмачевский 1882]. Однако присутствие козы в качестве символа плодородия в обрядах, связанных с продуцирующей магией, по мнению ученого, свидетельствует об архаических корнях этого образа.

Отношение к козе у славян неоднозначно: она считается нечистым животным, имеющим демоническую природу, выступает как ипостась нечистой силы и одновременно как оберег от нее [Белова 1999, 522]. Украинцы считали, что коза сотворена чертом, и если окропить ее освященной водой, она подышает [Белова 1999, 523]. В то же время из козьей шкуры делали волынку — инструмент, на котором играли на свадьбе или похоронах праведника⁵.

⁵ Из личной беседы автора статьи с проф. И. В. Мациевским. Существует легенда о

Коза — один из персонажей в числе рожженных в святочный период. «Переряженные, или святочники, умышленно воплощают дьяволов, — читаем в изданном в 1880 г. описании обрядов из собрания М. Забылина, — и история Тюрпеня называет их личинами брадатыми, рогатыми и похожими на демонов» [Забылин 1990, 12]. Вот одна из песен календарного цикла, записанных на Брянщине:

Го-го-го, коза,
Го-го, серая,
Недавно ль с Москвы
С долгими косм^ы.

Рогáми забадѣ[т],
Косою срежá
С^ырое сер[д]цá
Скрозь полотенцá⁶.

Козой наряжались на Масленицу («козу в мешке играли») [Забылин 1990, 41—42; Фольклорный театр 1988, 429—430, 445; Щуров 2007, ч. 1, 346—349]. И. В. Мациевский описывает *гоготуху* — архаическое театрализованное обрядовое действо у украинцев Подляшья, в котором главным персонажем выступает коза [Мацѣвский 2001].

Пиром козла назывался в Литовских и Белорусских землях обряд принесения на кладбище даров подземным богам. «Здесь в качестве жреца и певца присутствовал гуслиар, а у чехов *Koslar* (козляр), что значит колдун, вещун, чародей» [Забылин 1990, 108—109].

В сказках коза, как правило, животное неблагоприятное и даже коварное. В комментарии Е. А. Костюхина к сказке «Коза-борза» читаем: «Сказки о козе лупленной распространены по всей Европе. <...> В романских вариантах (Италия, Португалия, Франция) коза нередко убивает старика [хозяина. — Е. Х.]. Здесь же коза может принадлежать и колдунье» [Костюхин 2004, 499—500].

том, что у гуцулов шкуру снимали с живой козы, чтобы волынка «сохраняла голос».

⁶ Запись сделана А. Б. Никаноровым в 1978 г. от Татьяны Васильевны Тур, уроженки с. Душатино Суражского р-на Брянской обл. Публикуется впервые. Ср.: [Щуров 2007, ч. 2, 6, № 4].

По сведениям О. В. Беловой, в литовских, белорусских, украинских землях козу называли «жидовской коровой» [Белова 1999, 524]. Этот факт можно трактовать двояко: она могла восприниматься как животное, близкое инородцам, и как животное, заменяющее евреям корову.

В детских потешках и прибаутках коза появляется как «пугатель» («Идет коза рогатая» [Мельников 1987, 174]) или «инициатор беспорядков» («Нет козы с орехами, нет козы с калеными» [Мельников 1987, 178]⁷).

А вот редкий пример появления козы в колыбельной песне:

Баю-бай, баю-бай, пойдѣ бука под сарай.
Под сараем-то коза, оловянные глаза.

Животное помещено в удаленное, «запретное» пространство, куда изгоняют пугателя («буку»). Напротив, в ашкеназских колыбельных козочка стоит непосредственно под люлькой с ребенком. Ее присутствие воспринимается как благо.

Нам известны еще три колыбельные, в которых упоминается козочка. Одна — широко известная песня «Rozhinkes mit mandlen» («Изюм с миндалем»), вошедшая в репертуар дуэта «Сестры Бэрри». Созданная Авраамом Гольдфаденом (1840—1908) для спектакля «Суламит» в 1880 г., она не только пережила постановку, но и стала одной из самых популярных еврейских песен в XX в. В ее припеве цитируется приведенная нами выше народная песня.

Вторая колыбельная, также возникшая относительно недавно, — «Oufn boydem» («На чердаке»), автор текста Б. Шафир (1876—1922), композитор П. Хиршбейн (1880—1948) [Гольдин 1994, 39]⁸. В ее тихом монотонном припеве звучат слова:

Hop, hop, ot azoy,
Est di tsig fun dakh dem shtroy.

⁷ Ср. также: «Пошел козел за водой, разбил кувшин бородой» [Мельников 1987, 179].

⁸ Впервые опубликована в: [Kipnis, 1918]. Текст в переводе Б. Семенова, опубликованный в сб. «Еврейские народные песни» [Добрушин, Юдицкий 1947], выбрал для одного из номеров цикла «Из еврейской народной поэзии» Д. Шостакович.

Гоп, гоп, вот так,
Ест коза солому с крыши⁹.

В третьей колыбельной мать, укачивая ребенка, сравнивает его с беспокойным облачком, растущим колоском, мельничкой и беленькой козочкой¹⁰.

Козы, качающие колыбель, встречаются в детской потешке-небылице:

Hob ikh a por tsign, tsign,
Vos zey kinder vign, vign!¹¹

Есть у меня пара коз,
Которые укачивают детей!

В песенке-считалке «дети в колыбельках кричат как козочки: “Ма-ма! Ма-ма!”»:

Kinder in di vigelekh
Shrayen vi di tsigelekh:
Ma-me! Ma-me!¹²

Козу в числе прочих животных привозит папа в другой детской песенке:

Brengt a tsig, vos meket, meket,
Shoklt mitn berdl;
Shpant men ayn di tsig in vogn,
Vert fun tsig a ferdl...¹³

Привезет козу, которая мекает, мекает,
Трясет бородкой;
Запрягут козу в повозку,
Получится из козы лошадка...

⁹ В новелле Ш. Агнона пропавшую козу ищут «у соломенной крыши Дома учения». В комментарии поясняется: «Во многих местечках крышу синагоги <...> было принято крыть соломой. С одной стороны крыша бывала настолько низкой, что козы без труда взбирались на нее пощипать соломы» [Агнон 2004, 505].

¹⁰ «In himl shvimt a volkndl». CD «Di grine Katshe» [«The Green Duck»]. Produced by Lorin Sklamberg and Paula Teitelbaum. New York: Living Traditions, 1997.

¹¹ «Hob ikh a por oksn» [Vinkovetzky 1984, 33–34].

¹² «Tsip-tsap, emerl» [Vinkovetzky 1984, 8].

¹³ «Bay dem shtetl shteyt a shtibl» [Vinkovetzky 1984, 35]. Один из вариантов этой песни опубликован впервые в сб. [Kipnis, 1925]. Автором этого варианта Залмен и Хана Млотек называют З. Розенталя (1892–1956).

Куплет с козочкой в нем отсутствует.

Поддерживая негодующего ребе Тама, подает голос белая козочка в песне Г. Рубина на стихи И. Мангера¹⁴. Наконец, к козочкам обращается лирический герой М. Гебиртига (1877–1942), рассказывая печальную историю о зачарованном пастушке¹⁵.

Этими немногочисленными примерами исчерпывается упоминание козы в идишском песенном фольклоре. Однако список будет неполным, если не назвать звучащий ежегодно во время *пейсаха пиют* (гимн) Хад-Гадья, а также варианты его транскрипций в ашкеназской и сефардской традициях. Комментируя рассказ о козленке, купленном за две *зузы*, д-р искусствоведения Х. Фридберг (Иерусалим) пишет об «общепризнанном в еврейской традиции аллегорическом толковании, согласно которому козленок символизирует еврейский народ, а песенка-сказка в целом истолковывается как аллегория гонений и притеснений, пережитых этим народом» [Фридберг 2002, 232]¹⁶.

Несмотря на малочисленность подобных примеров (обратим внимание также на достаточно позднее происхождение большинства из них), белоснежная козочка в конце XIX — начале XX в. приобретает значение национального символа. Ее изображение, не встречавшееся прежде ни на надгробных камнях, ни в росписях синагог, появляется в иллюминированных рукописях как иллюстрация к песнопению Хад-Гадья лишь в середине XVIII в.¹⁷ В XX столетии эта традиция сохраняется, но все чаще художники и поэты представляют козочку стоящей возле люльки, берегущей сон ребенка.

Во всех приведенных нами примерах коза выступает как символ доброго начала и связывается, прежде всего, с миром детства. В литературе на идише этот образ встречается уже у Менделе Мойхем Сфорима (1835/36–1917).

¹⁴ «Rabeynu Tam» [Mlotek 1997, 170–171].

¹⁵ «Hey, tsigelekh». [Mlotek 1997, 213].

¹⁶ Ср. комментариев к этому *пиюту*: «Каким бы сильным не казался враг, он все равно погибнет, и хотя ему на смену может прийти еще более страшный враг, но и его ждет неминуемая гибель» [Эссас 1991, 3]. См. также: [Baker 1987, 38].

¹⁷ Сведения даны по: [Фридберг 2002, 245]. Пиют Хад-Гадья включен в пасхальный седер в XV в.

В повести «*Dos kleyne mentshele*» («Маленький человечек»)¹⁸ герою еще мальчишкой приходится убаюкивать чужого ребенка и петь знакомую нам песенку. Впоследствии ему представляется покинутая жена. Она качает пустую люльку, и колыбельная песня в ее устах трансформируется, становится пугающей:

Alyu-lyu, bidne kind,
 Vey iz der mamem, vey un vind!
 Inevaynik in vigele
 Ligt a klor-vays tsigele,
 Tsigele-me! Tsigele-me!
 Nit-zhe, nit-zhe veyn,
 Bist dokh elnt vi a shteyn —
 Tsigele-me! Tsigele-me!..
 Leydik, leydik iz dos vigele,
 Oy, nishto mayn klor-vays tsigele!
 Vey iz der mamem, vey un vind!

Люли-люли, бедное дитя,
 Горе маме, горе!
 В колыбельке
 Лежит белоснежная козочка,
 Козочка-ме! Козочка-ме!
 Не плачь же, не плачь,
 Ты одна-одинешенька —
 Козочка-ме! Козочка-ме!..
 Пуста, пуста колыбель,
 Ой, нет моей белоснежной козочки!
 Горе маме, горе!

В XX в. появилось немало прямых и косвенных цитат, отсылок к народной песне¹⁹. Вот одна из них и снова — из колыбельной:

Nit keyn rozhinkes un nit keyn mandlen.
 Der tate iz nit geforn handlen,
 Ljulinke, mayn zun²⁰.

Ни изюма, ни миндаля.
 Папа не поедет торговать.
 Люли, мой сын.

Нет в ней волшебной белоснежной козочки. Мир вокруг полон страхами:

¹⁸ Повесть впервые напечатана в еженедельнике «*Kol ha-Mevaser*» (1864, № 45—51, 1865, № 1—4), отдельное издание — Вильно, 1866 г.

¹⁹ См. многочисленные примеры и библиографию в кн. Авраама Бекера [Baker 1987].

²⁰ Цит. по: [Гольдин 1994, 37] Композитор Давид Бейгельман, слова: Исаак Шпигл. Лодзь. Гетто. 1941 г.

совиными криками, волчьим воем. Отец уехал, оставив семью. Изюм и миндаль становятся воспоминаниями, мечтой о мире, счастье, благополучии.

В стихах Х. Левика читаем:

Rozhinkes mit mandlen
 Zaynen mer nit zis.

Изюм с миндалем
 Более не сладки.

Нет чудесной козочки — и утрачивается нечто необычное, хотя на первый взгляд не столь уж необходимое. Нечто, некогда воспринимавшееся как весьма важное. «И когда ты будешь богат, Иде-ле, вспомни это песенку. Это будет твое призвание — “изюм с миндалем”», — поется в колыбельной Гольдфадена.

О чем идет речь? Что приносила козочка? Почему именно она?

Коза — признак относительного достатка еврейской семьи, ведь если в доме есть коза, дети не останутся голодными²¹. Сказано в Притчах царя Соломона: «И довольно козьего молока в пищу тебе, в пищу домашним твоим и на продовольствие служанкам твоим» (Притч. 27:27).

Неприхотливое животное не требовало просторных пастбищ. Коз пасли на кладбище, на горушках и в рощах — там, где земля не годилась для посевов и была значительно дешевле.

Коза — чистое, кошерное животное, в древности приносившееся в жертву. «Пусть приведет он в жертву козу без порока за грех свой, которым он согрешил», — сказано в Торе (Лев. 4:28; см. также Лев. 3:12; 5:6). Впервые в Пятикнижии коза упомянута в числе животных, принесенных по слову Всевышнего в жертву Авраамом («Возьми мне трехлетнюю телицу, трехлетнюю козу и трехлетнего овна, горлицу и молодого голубя», Быт. 15:9). После этого жертвоприношения, скрепляющего союз Бога и праотца, звучит пророчество о египетском рабстве и о возвращении народа в четвертом поколении в уготованную ему Землю.

В главе Исход заклание ягненка или козленка становится условием спасения еврейских первенцев: кровь животных

²¹ См., например, рассказ Исаака Башевиса Зингера «Козочка Злата».

служит защитой каждому еврейскому дому в ночь десятой казни египетской: «Агнец у вас должен быть без телесного порока, мужского пола, однолетний; возьмите его от овец, или от коз, <...> и пусть возьмут от крови его и помажут на обоих косяках и на перекладине дверей в домах, где будут есть его» (Исх. 12:5—7). Многократно упоминается козел (реже — коза, см. выше), приносимый в жертву за грехи или в жертву всесожжения в главах Левит (1:10; 4:23; 9:3; 16:5 и др.) и Числа (7:16; 7:22; 7:28 и далее). Отметим, что согласно исследованиям О. Беловой в славянской традиции в связи с представлениями о нечистоте козы, запрещалось использовать это животное в качестве жертвы, например закалывать для поминальной трапезы [Белова 1999, 523].

Приятие жертвы Всевышним означает его благоволение и помощь. В Книге Судей находим два подобных случая: вдохновение Гедеона на борьбу с мadianитянами (Суд. 6:19), и знаменное, предвещающее Маною рождение Самсона (Суд. 13:15).

Однако в тех ситуациях, когда речь в Священном писании идет об отношениях между людьми, упоминание коз, приносимых в дар (жертву), означает, напротив, недоговоренность или обман. Козленка приносит своей бывшей жене Самсон, желая примириться с ней (Суд. 15:1), но ссора разгорается с новой силой. Давид, впервые представший перед Саулом (и уже помазанный на царство), подносит ему мех вина и козленка (1 Цар. 16:20). Козью шкуру кладет в изголовье постели жена Давида, чтобы скрыть бегство своего мужа (1 Цар. 19:13).

Коза или козленок появляются в тексте Торы в поворотные моменты истории. Кушанье из козлят приготовила Ревекка для потерявшего зрение Исаака, а их шкурками покрыли руки и шею Иакова для получения им благословения. Овец и коз пас, находясь в услужении у Лавана, Иаков и составил себе собственное стадо из крапчатых и пестрых животных. Кровью зарезанного козленка окропили братья Иосифа его цветную одежду, чтобы убедить отца, что лютой зверь съел его любимого сына. В каждом из этих случаев речь идет о некоем нарушении общеприня-

того порядка, обмане, в результате которого изменяется судьба, статус главного действующего лица. К этому ряду можно отнести и случай с овдовевшей Фамарь, невесткой Иуды. Переодевшись, она принимает вид блудницы и зачинает от свекра сыновей Фареса и Зару (Быт. 38:17 и далее). Козленка обещает ей, неузнанной, Иуда в качестве платы (но плата не принята: Фамарь скрывается, унеся печать и посох свекра).

Подобные случаи замены, подмены — изменения предписанного жребия — тоже своего рода жертвоприношения. Их совершение меняет подготовленную, казалось бы, участь: благословение получает младший сын; батрак обретает внушительное состояние и т. п. В такие моменты ход истории определяет божественное предначертание, которое далеко не всегда соответствует земной, бытовой логике развития событий.

Жертва призвана очистить, защитить человека, предотвратить нависшую над ним опасность. Колыбельная также представляет собой своего рода «охранительный текст». Однако образ жертвы не мог попасть в песню, которую поют засыпающему ребенку. Современные исследования показывают, что в них могли упоминаться лишь некоторые животные (например, в славянской традиции: котик, голуби — как помощники, собачка, корова, волчок — как те, кто мешает заснуть)²². Следовательно, на рубеже XIX—XX столетий коза ассоциируется вовсе не с ритуалом жертвоприношения.

Основу трансформации образа, обретения им новой семантики в русле еврейской традиции находим в трактате *Ктубот* Вавилонского Талмуда: «Однажды Бар Иехезкель увидел козу, пасущую под смоковницей, и молоко изливалось из нее, и мед вытекал из плодов, и смешивалось одно с другим, и сказал он: “Вот земля, текущая молоком и медом”» (*Ктубот* 111б)²³.

В сказке Ш. Агнона (1888—1970), сюжет которой основан на притчах, бытовавших в еврейских общинах Восточной Европы, козу покупает старик,

²² Ограничения касаются также цветов, некоторых локусов: в народных колыбельных не упоминается, например, черный цвет или болото. См.: [Головин 2000].

²³ Цит. по: [Львов 1998].

чтобы излечить мучительный кашель [Агнон 2004, 114—117]²⁴. Слова «это молоко, такое сладкое и такое целительное для меня» вызывают в памяти цитату из Притч царя Соломона: «Речи моей внимай <...> ибо она целительна для всякого» (Притч. 4:20—22)²⁵. Необычная сладость козьего молока, имеющего медовый привкус, указывает на его происхождение из Земли Обетованной — «текущей молоком и медом»²⁶. Коза из притчи Агнона, подобно козам, увиденным посланниками Моисея, пасется в горах Израиля. Сын старика, следуя за ней по подземному пути, попадает в иное пространство и время (к началу Субботы), т. е. фактически она служит проводником в *Ойлам Абэ* (на тот свет).

Изюм и миндаль — плоды Израиля, относимого в традициях искусствоведения XIX—XX вв. к пространству Востока. Огромную виноградную гроздь принесли Моисею из Земли Обетованной соглядатаи: «И пришли к долине Есхол, и срезали там виноградную ветвь с одной кистью ягод, и понесли ее на шесте двое» (Чис. 13:23). Миндаль упоминается в Торе в уже отмеченных нами сюжетах. На прутьях тополя, миндаля и каштана вырезает Иаков белые полоски, чтобы получить приплод пестрых овец и коз (Быт. 30:37). Миндаль в числе других плодов везут в дар неузнанному Иосифу его братья (Быт. 43:11).

Чудесная козочка из колыбельной приносит людям, вынужденным, подобно Иосифу, жить в изгнании, но сохраняющим верность своей традиции, изюм и миндаль — напоминание о покинутой земле. Возможно и другое толкование: «торговать изюмом и миндалем» — значит распространять Тору, Учение, традицию. Еврейская пословица гласит: «*Toyre — iz di beste skhoire*» («Тора — лучший товар»). Вот почему

²⁴ Впервые опубликована в 1925 г.

²⁵ Цитата дана в миснагидском переводе для сохранения идентичности цитируемых оборотов.

²⁶ Этот оборот повторяется в Торе несколько раз (Исх. 3:9, 3:17, 13:5; Чис. 13:28; Втор. 26:9). Один из комментариев гласит: «Это выражение служит не столько характеристикой плодородности почвы, сколько указанием на то, что в этой стране человек зависит не от обычных природных процессов, а от милости Всевышнего» [Пятикнижие и Гафтарот 1999, 279].

в колыбельной А. Гольдфадена поется: «Это будет твоим призванием».

Символика колыбельной — козочка, приносящая изюм и миндаль и способная указать путь в Святую Землю, — оказалась созвучна усиливающимся сионистским настроениям рубежа веков²⁷. В то же время коза воспринимается как хранительница традиции. В самом жанре колыбельной заложены четыре основные функции: успокоения, охраны, прогностическая и функция погружения в культуру²⁸. Традиционное сознание переносит эти действия на центрального персонажа — белоснежную козочку, которая призвана оберегать ребенка; ее присутствие гарантирует поддержание установленного образа жизни. Можно предположить, что в мятежные предреволюционные десятилетия — в связи с участвовавшимися случаями погромов, с появлением поколения евреев, не соотносящих своего образа жизни с языком, бытом, религиозными предписаниями предков, — все функции колыбельной актуализируются. Ее образы приобретают общенациональное звучание.

Но не только в тексте песни содержатся знаки, устанавливающие связь с еврейской традицией. Символичен ее нетемперированный напев, звучащий необычно для уха, воспитанного на традициях европейской академической музыки; он также является элементом, указывающим на «восточное» происхождение колыбельной (см. нотный пример 1).

С. Розанес пишет, что эта песня «во всевозможных вариантах с дополнениями и сокращениями» поется в России, Галиции, Румынии, особо подчеркивая: «основной мотив один и тот же» [Розанес 1991, 146]²⁹. Семантика модуса *Ми*

²⁷ Официальной датой возникновения сионистского движения считается 1897 г. — год созыва Первого сионистского конгресса в Базеле. Первая *алия* (первая волна иммиграции в Палестину) датируется 1881—1903 г. Этот период характеризуется становлением и других национальных символов. В 1878 г. Нафтали Герц Имбер (1856—1909) сочинил текст песни «Тикватейну» («Ха-Тиква»), ставшей впоследствии государственным гимном Израиля.

²⁸ Подробно об этом см.: [Головин 2000].

²⁹ См. также в указ. статье нотный пример № 5.

Нотный пример 1

Un - ter dem kindz vi - ge - le shteyt a klor vays tsi - ge - le. Dos
tsi - ge - le z'ge - fo - rn han - dlen ro - zhin - kes mit man - dlen,
ro - zhin - kes mit mand - len iz zey - er zis. Mayn kind vet zayn ge - zunt un frish.

шеберах, в котором звучит колыбельная, связана с благословениями, молитвами о милости, защите, высшем покровительстве. Его название («תַּרְשִׁימִי», ивр. букв.: «Тот, кто благословил») происходит от многократно произносимой в литургии формулы: «Тот, кто благословил наших отцов — Авраама, Ицхака и Якова, — благословит и [поднимающегося к Торе, больного, роженицу, всю общину и т. п.]». Это своего рода «модус-оберег»³⁰. Мелодия, которую поют над люлькой, звучит в том же строе, что и синагогальное песнопение. На нее распространяется сила молитвенного высказывания.

В страшной новелле Э. Севелы «Земля жаждет чуда» [Севела 1997] колыбельная становится лейтмотивом, причем сын женщины, которая поет ее в минуты расстрела, оказывается спасен.

А. Гольдфаден в своем спектакле, цитируя текст народной песни, изменил ее напев. Его колыбельная не мольба матери уберечь ее дитя. Это напоминание о Земле Обетованной. И автор, обращаясь к аудитории, знающей песнопения синагогальной службы, вводит другую, более подходящую по смыслу музыкальную цитату: куплет начинается с интонации, которая многократно повторяется при чтении Песни Песней³¹ (см. нотные примеры 2, 3).

В силу многих причин XX в. воспринимается как время разрушения традиционного образа жизни, обесценивания традиционных знаний. «Изюм с миндалем более не сладки». Не стоит более у кровати козочка: некому защи-

³⁰ Подробнее об этом см.: [Хаздан 2006].

³¹ Эта книга в еврейской традиции воспринимается как «гимн земле Израиля». См.: [Колодезь вод живых 2006, 40].

тить ребенка, направить его на верный путь. Появляются образы, порожденные катастрофой Второй мировой войны. В их основе — все та же колыбельная песня. Ицик Мангер в цикле «Альбом моей сестры Шейнделе» пишет о двух сиротах: печальном Золоте, оставшемся от Золотой Павы, и ослепительно белой Козочке [Manger 1959, 460].

Yesomim

Dos gold fun der pave un dos klorvayse
tsigele³²

Vign di leydike vign:
Nishto mer dos heylike Yankele,
To vigt men on a nign.
Dos gold fun der pave iz umetik gold,
Un dos tsigele dos frume —
Blendt vi troyeriker shney — di tsvey
Yesoy mim fun mayn ume.

Сироты

Золото Павы и Белоснежная Козочка
Качают пустые колыбели:
Нет больше святого Янкеля,
И качают без напева.
Золото Павы — печальное золото,
А набожная Козочка —
Слепит как скорбный снег³³ — две
Сироты моего народа.

Пустую колыбель качает козочка в страшном стихотворении Овсея Дриза «Dos vigele» («Колыбелька»), написан-

³² Существует вариант издания с теми же выходными данными, в котором первая строка написана иначе: «Di goldene pave un dos klor-vayse tsigele» («Золотая Пава и белоснежная Козочка»). В другом издании [Manger 2004, 258] со ссылкой на первую публикацию в Лондоне (1948 г.) напечатан приведенный нами вариант стихотворения.

³³ Белый цвет в еврейской традиции — цвет савана и погребальных одежд.

Нотный пример 2. А. Гольдфаден «Rozhinkes mit mandlen»

In dem beys ha - mik - dosh, in a vin - kl khey - der

Нотный пример 3. Shir-ha-shirim (Ashkenazic, Lithuania)³²

Shir ha-shi-rim a - sher li - shlo-mo yi-sho-ke - ni mi - ne - shi - kos
 pi - hu, ki to - vim, do - de - cho mi - yo - yim o - ku - mo no
 va - a - so - va - voh vo - ir, bash - vo - kim u - vo - re - cho - vos...

ном в 1942 г. [Driz 1969, 139]³⁵ Она уже не белая — седая от перенесенных страданий, от старости.

Vigt zikh dos vigele
 Hin un tsurik,
 Nito inem vigl
 Der mamenyus glik,
 Nito inem vigl
 Der mamenyus freyd, —
 Vigt zikh dos vigele
 Leydikerkheyt.
 Un tsigenyu-migenyu,
 Tsigenyu-groy,
 Halt inem moyl
 Di farblutikte shtroy.

Качается колыбелька
 Туда-сюда,
 Нет в колыбели
 Маминого счастья,
 Нет в колыбели
 Маминой радости, —
 Качается колыбелька, —
 Пустота³⁶.

И козочка,
 Козочка седая
 Держит во рту
 Окровавленную соломинку.

Не для кого больше приносить изюм и миндаль.

* * *

Народы, столетиями живущие бок о бок, поныне сохраняют традиции своих предков, и, существуя в едином географическом пространстве, продолжают принадлежать разным условным ареалам. Так возникает парадокс: в произведениях, создаваемых народом, имеющим давнюю европейскую историю, отчетливо проступают «восточные» корни.

Литература

Агнон 2004 — Агнон Шмуэль Йосеф. Новеллы. М.; Иерусалим, 2004.

Белова 1999 — Белова О. В. Коза // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 2: Д—К. М., 1999. С. 522—524.

Верховский 2005 — Верховский И. Колыбельная Шике Дриза. Чтоб не было ТАКИХ песен // Топос. Литературно-философский журнал. [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — [б. м., 2005], (время обращения: июнь, 2008). — Режим доступа: <http://www.topos.ru/article/3883>

Гинзбург, Марек 1901 — Еврейские народные песни в России / собраны и изданы

³⁴ Пример взят из: [Idelsohn 1975, 41]. Table IV, № 3.

³⁵ На это стихотворение я обратила внимание благодаря публикации Ильи Верховского [Верховский 2005].

³⁶ Слово leydikerkheyt, образованное от прилагательного leydiker — «пустой, порожний», созвучно также существительному leyd — «страдание».

под ред. и с введением С. М. Гинзбурга и П. С. Марека. СПб., 1901.

Головин 2000 — Головин В. Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе. Ебо, 2000.

Гольдин 1994 — Еврейская народная песня: антология / сост. М. Гольдин; общ. ред. И. Земцовского. СПб., 1994.

Добрушин, Юдицкий 1947 — Еврейские народные песни / сост. И. М. Добрушин, А. Д. Юдицкий; под ред. Ю. М. Соколова. М., 1947.

Забылин 1990 — Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / собр. М. Забылиным. М. 1990. (Репринтное воспроизведение издания 1880 г.)

Колмачевский 1882 — Колмачевский Л. З. Животный эпос на Западе и у славян. Казань, 1882.

Колодезь вод живых 2006 — «Колодезь вод живых...»: Песнь Песней / гл. ред. Хана Ротман. СПб., 2006.

Костюхин 2004 — Когда звери говорили: Триста семьдесят пять мифов, сказок, басен, анекдотов / сост., предисловие, комментарий и указатель Е. А. Костюхина. М., 2004.

Львов 1998 — Львов А. Загадочная смоковница. [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — [б. м., 1998], (время обращения: февраль, 2008).— Режим доступа: <http://lvov.judaica.spb.ru/teana.shtml>

Маціевский 2001 — Маціевский І. До явищ традиційного музичного театру на Підляшші: Гоготуха // Музика та дія в традиційному фольклорі. Львів, 2001. С. 45—48.

Мельников 1987 — Мельников М. Н. Русский детский фольклор. М., 1987.

Пятикнижие и Гафтарот 1999 — Пятикнижие и Гафтарот. Ивритский текст с русским переводом и классическим комментарием «Сончино» / комментарий составил д-р Й. Герц. М.; Иерусалим, 1999.

Розанес 1991 — Розанес С. Песни народные // Еврейская энциклопедия: Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем: в 16 т. Т. 8. М., 1991. Стлб. 144—154. (Репринтное издание СПб.: Об-во для науч. евр. изд. и изд-во Брокгауз-Ефрон, [1908—1913].)

Севела 1996 — Севела Э. Мама // Севела Э. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. М., 1996. С. 273—340.

Севела 1997 — Севела Эфраим. Земля жаждет чуда: Третья новелла из кинофильма «Колыбельная» // Севела Э. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. М., 1997. С. 257—273.

Фольклорный театр 1988 — Фольклорный театр / сост., вступ. статья, предисл. к текстам и комментарии А. Ф. Некрыловой и Н. И. Савушкиной. М. 1988.

Фридберг 2002 — Фридберг Х. Хад-Гадья Эль Лисицкого // Еврейское искусство в ев-

ропейском контексте: сб. статей. М.; Иерусалим, 2002. С. 231—248. (Перевод с английского Г. Казовского.)

Хаздан 2006 — Хаздан Е. Модальные основы идишского фольклора // Еврейская традиционная музыка в Восточной Европе: сб. статей / ред. Н. С. Степанская. Минск, 2006. С. 85—116.

Щуров 2007 — Щуров В. М. Жанры русского музыкального фольклора: уч. пособие для музыкальных вузов и училищ: в 2 ч. М., 2007.

Эссас 1991 — Эссас Э. Рассказ о нашем исходе // Пасхальная агада. Иерусалим, 1991. С. 1—3.

Baker 1987 — Baker A. Motivn gun tsig un tsigel: A shtuie. Tel-Aviv, 1987. (Идиш.)

Driz 1969 — Driz O. Di ferte strune. Moskve, 1969. (Идиш.)

Idelsohn 1975 — Idelsohn A.-Z. Jewish music in its historical development. New York, 1975.

Kipnis, 1918 — 60 Folks-lider fun Zara Zeligfelds un M. Kipnis kontsert repertuar. Gezamlt durkh M. Kipnis. Ershte teyl. Varshe, 1918. (Идиш.)

Kipnis, 1925 — 80 Folks-lider fun Zara Zeligfelds un M. Kipnis kontsert repertuar. Gezamlt durkh M. Kipnis. Tsveyte teyl. Varshe, 1925. (Идиш.)

Krasny 2008 — Krasny Ariela. Unter dem kind's vigele [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — [б. м., б. и.], (время обращения: март, 2008).— Режим доступа: <http://www2.trincoll.edu/~mendeletmr/tmr02/032>

Manger 1959 — Manger Itsik. Lid un Balade. New York. 1959. (Идиш.)

Manger 2004 — Manger Itsik. Dunkelgold: Gedichte: jiddisch und deutsch; mit Umschrift des Jiddischen. Frankfurt am Main, 2004.

Mlotek 1997 — Mir trogn a Gezang! Favorite Yiddish songs of our Generation / Second and Enlarged Edition by Eleanor Gordon Mlotek. New York, 1977.

Vinkovetzky 1984 — Anthology of Yiddish Folksongs / Aharon Vinkovetzky, Abba Kovnek, Sinai Leichter. Vol 2. Jerusalem, 1984.

Summary. *Certain features preserved in the culture of East European Jews suggest the Oriental origin of the latter. The image of the goat standing near the cradle differs greatly from the reputation this animal has in the cultures of nations living in close contact with the Jews. For example, the Slavs believe the goat to possess demonic nature, to be an emanation of evil forces. On the contrary, in Ashkenazic lullabies the presence of a goat is perceived as a blessing. In the late 19th — early 20th century the goat becomes the Ashkenazic national symbol.*

Key words: *Jewish folklore, Ashkenazic folklore, Yiddish song, lullaby, goat.*